

А.С. Ватутина

Алтайский государственный университет

Энтомологические образы в фантастике:

Г. Уэллс и А. Толстой

Аннотация: В статье предпринята попытка раскрыть особенности функционирования образов насекомых в фантастической литературе. Материалом исследования стали тексты Г. Уэллса и А. Толстого, на примере которых рассматривается широкий спектр энтомологических коннотаций в фантастике, затрагивающих культурную, социальную, научно-техническую и другие сферы.

The article attempts to uncover peculiarities of images of insects in science fiction literature. The research is based on the works of H. Wells and A. Tolstoy, which provide a wide range of example of entomological connotations in fiction, involving cultural, social, scientific, technical and other spheres.

Ключевые слова: фантастическая литература, энтомологические образы, метафора, символ, мифопоэтика.

Science fiction, entomological images, metaphor, symbol, mythopoeitics.

УДК: 82.091

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852)366334. E-mail: vatutinaas@mail.ru.

По словам исследователей, категорию фантастической литературы составляют тексты, «строящиеся на основе фантастической посылки. Последняя, как правило, либо претендует на принципиальную объяснимость и логическую мотивацию своего присутствия в тексте (рациональная, в общепринятой терминологии “научная” фантастика), либо не менее принципиально отказывается от таковой, сразу приглашая читателя в “чудесную” модель бытия (fantasy)» [Ковтун, 2008, с. 59]. Такая «законность» ирреального позволяет авторам-фантастам неограниченно экспериментировать, как в области пространственно-временной и сюжетной организации текста, так и в содержании его образной системы. Но, вместе с тем, как отмечает Т.А. Чернышева, «если мы встречаемся в научной фантастике с разумными существами, не похожими на человека, то они чаще всего напоминают земных пауков или муравьев» [Чернышева, 1985, с. 35]. Данный факт объясняется исследователем тем, что человеческое воображение, так или иначе, ищет опору среди известных ему форм жизни, но «на “расстояниях”, как можно более от человека удаленных. Из живых существ, обитающих на суше, насекомые удалены от человека куда больше, чем теплокровные птицы и млекопитающие» [Там же, с. 35]. Существенную роль здесь играют и мифологические предпосылки, в соответствии с которыми насекомые выступают как существа хтонической природы, посланники дьявола, вестники апокалипсиса, вызывающие суеверный страх. На этом основании образ насекомых, так или иначе, несет в себе символику хаотичной, внечеловеческой реальности, которая и эксплуатируется писателями-фантастами уже на их поприще.

Условно можно выделить несколько уровней функционирования энтомологических образов в фантастической литературе:

- метафорический, когда насекомые выступают коррелятами образов фантастической реальности;
- структурный: способ существования мира насекомых становится моделью общественной организации в некоем фантастическом пространстве (Ф. Герберт «Улей Хэллстрома»);
- персонажный: насекомые или связанные с ними гибридные существа являются самостоятельными действующими лицами повествования (Я. Лари «Необыкновенные приключения Карика и Вали»);
- символический, когда образ насекомого несет в себе философскую идею, лишаясь детальной энтомологической разработки и самостоятельности (Ф. Кафка «Превращение»).

Обладая широким спектром художественной выразительности, данные образы, в большинстве случаев, носят полифункциональный характер.

Так, в романе Г. Уэллса «Машина времени» (1895) движение в будущее открывает в тысячелетней перспективе вырождение человеческого рода, необратимую регрессию творцов высокой культуры и цивилизации, о которых напоминают руины роскошных дворцов и музеев к существам простейших форм существования. Метафорическими образами этой инволюции становятся насекомые.

Мир Уэллса восемьсот две тысячи семьсот первого года населяют потомки людей, морлоки, живущие в подземелье, испещренном ходами и пещерами, и поднимающиеся на поверхность лишь в поисках пропитания и средств существования («муравьеподобные морлоки» [Уэллс, 1983, с. 157]). Они представляют собой ветвь инволюции человечества, сохранившую признаки разумности, что проявляется в их умении трудиться, управлять механизмами, планировать и т.д. В данном случае муравейник становится моделью мироустройства, которая занимает промежуточное положение между человеческим социумом и животной стаей. В свою очередь, противопоставленные им элои, сохранившие внешнее сходство с человеком, уподобляются автором другим насекомым – бабочкам. Внешне привлекательные, беззаботные и по-детски непосредственные, они живут только настоящим днем и совершенно лишены способности рационально мыслить. Появление в будущем этих «двух пород полулюдей» [Кагарлицкий, 1994, с. 384] связывается автором с социальным расслоением, породившим в дальнейшем две различные эволюционные ветви. Энтомологические коннотации в данном случае, с одной стороны, усиливают различия между ними, с другой – объединяют их в противопоставлении гармоничному по своей сущности человеку.

Энтомологические коннотации сопровождают мотивы гибели человеческой цивилизации в одном из первых отечественных фантастических романов XX века «Аэлита» (1923) А. Толстого. Ключевым в описании марсианского государства также становится образ муравейника («унылая, беспросветная муравьиная жизнь», «волновалась, точно потревоженный муравейник, многотысячная толпа марсиан» [Толстой, 1958, с. 627, 650]), что подчеркивает его проекцию на человеческий социум, а также замкнутость и внутреннюю разрушительную силу нарастающего конфликта. Метафора «общество-муравейник» достаточно широко распространена в литературе. Особую привлекательность данного образа именно для писателей-фантастов Т.А. Чернышева объясняет тем, что «муравьи ... уже реально заключают в себе некое смешение – мнимая разумность действий общественных насекомых при полной непохожести на человека и действительном отсутствии разума» [Чернышева, 1985, с. 139]. В другом аспекте насекомые как совершенные по своему функционированию природные организмы, способные существовать в любых условиях, в романе А. Толстого становятся прообразами для изображения фантастических сверхчеловеческих технологий, в частности летательные аппараты марсиан уподобляются автором жукам и стрекозам («Очертание его трехмачтового остова напоминало гигантского жука»; «Лишь пять этих огромных стрекоз лежали на площади» [Толстой, 1958, с. 576, 658]). Сегодня в XXI веке это

становится повседневной действительностью, ведь, как отмечает Н. Злыднева, «инсектная образность разрастается как на уровне лексики (всемирная паутина, world wide web), так и на уровне визуального кода (автомобили нового дизайна часто уподоблены жукам)» [Злыднева, 2004, с. 71].

Апеллируя к широко распространенным у людей фобиям насекомых, писатели-фантасты вносят в свои тексты элементы страха, стимулируя интерес читателей. Негативная топика, характерная для насекомых, в фантастике определяется, прежде всего, таким проявлением их телесности, как множественность. На этой основе создаются образы, связанные с силами, противостоящими человеку, не поддающимися его контролю (в рассказе Г. Уэллса «Царство муравьев» (1905) насекомые становятся захватчиками, вытесняющими со своей территории людей), маркирующими чужое пространство. В романе «Аэлита» подобную символическую нагрузку несут паукообразные, которые в литературе достаточно часто сближаются с насекомыми. Боязнь пауков относится к числу самых распространенных фобий, причем у некоторых людей гораздо больший страх может вызывать даже не сам паук, а его изображение. Путешествие землян в пространствах Марса в романе А. Толстого начинается брезгливым ужасом от неожиданной встречи с затаившимся в зарослях огромным пауком с «большими, как лошадиные, полуприкрытыми рыжими веками глазами» [Толстой, 1958, с. 567], который выступает не только символом скрытой угрозы, неминуемой опасности, но и несет дьявольскую семантику: рыжий цвет как признак дьявола, глаза, выражающие не животный инстинкт, а эмоции – «лютую злобу» [Там же, с. 567]. Герои неоднократно попадают в «упругую, как сеть» [Там же, с. 571] паутину, подчеркивающую, с одной стороны, образ разрушающегося, регрессирующего мира, а с другой – их беспомощность в чуждом пространстве, вовлеченность в губительное действие. В апокалипсическом финале марсианской части повествования, где смертоносная война становится закономерным итогом для изжившей себя цивилизации, возникает образ пробудившегося и готового вырваться на свободу зла, воплощенного в бесчисленном множестве гигантских пауков, поднимающихся со дна шахты – адского лона («колебалась, перекачивалась коричнево-бурая шкура. <...> Вся она была покрыта большими, будто лошадиными, обращенными к свету глазами, мохнатыми лапами» [Там же, с. 665]). Этот сочетающий в себе различные зооморфные признаки образ (медведя, лошади и паука) также восходит к тотемным представлениям и концептуально воплощает разгневанные силы природы и предков. Именно терпеливые и выжидающие пауки становятся существами, способными заменить марсиан, жизнь которых свелось к самоуничтожению, что служит предупреждением для людей на Земле, не осознающих своего истинного предназначения и неизбежно вовлекаемых в процесс истребления разумной жизни и ее возвращения к первоначальным низшим формам эволюции. Подобные мотивы прослеживаются и в «Машине времени» Г. Уэллса, где картины последних времен на Земле исключают человеческие формы жизни, все ее пространство населено гигантскими членистоногими: насекомыми, паукообразными и ракообразными. Отличие заключается в том, что по Г. Уэллсу они представляют собой более стойкий биологический вид, в условиях отсутствующей конкуренции достигший гигантских размеров, пауки же Толстого – воплощение потенциально существующего внечеловеческого разума («они ждут, их час придет, они овладеют жизнью, населят Марс» [Там же, с. 666]), оказавшегося ближе, чем возможно было того ожидать.

Таким образом, в фантастической литературе энтомологические образы наделяются особенно широким спектром коннотаций, затрагивающих различные сферы существования человека: витальную, социальную, культурную, научно-техническую и т.д. Являющиеся частью нашей повседневной жизни насекомые оказываются настолько далекими и неизвестными нам, что способны принимать

в фантастике прогностические функции презентации неведомого, но возможного будущего человечества.

Литература

- Злыднева Н. Инсектный код русской культуры XX века // Абсурд и вокруг него. М., 2004.
- Кагарлицкий Ю.И. Уэллс // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1994. Т. 8.
- Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М., 2008.
- Толстой А.Н. Аэлита // Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 3.
- Уэллс Г. Машина времени // Уэллс Г. Фантастические произведения. М., 1983.
- Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск, 1985.